

© 2006 г. О. В. КРАСОВСКАЯ

СУДЕБНЫЙ ДИАЛОГ КАК КОНВЕНЦИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ ФОРМА

В статье дается общая характеристика диалога, который протекает в рамках судебного разбирательства по гражданским делам и опирается на судебно-процессуальные конвенции. Описываются его специальные взаимно связанные черты: подготовленность, обязательное включение идиологических выступлений, взаимодействие с письменной речью, нарушение линейно-прогрессивного течения устной речи, запрограммированная реактивность. Выделяются типы коммуникативных неудач, которые в речевом поведении непрофессиональных процессуальных участников связаны с конвенциональным характером судебного диалога.

1

Диалогическая речь является постоянным объектом лингвистического познания – литература, посвященная диалогу, огромна (о лингвистических подходах к диалогу см., например [Арутюнова 1970; Валушинская 1979]).

Исследователи диалога справедливо отмечают, что для построения типологии диалога и создания теории диалогической речи необходимо изучать все разновидности диалога, представленные в реальном общении [Земская 1988].

Судебный диалог предметом специального изучения лингвистов, по нашим наблюдениям, не был. Между тем диалог, протекающий в ходе судебного разбирательства, – это особый тип диалогического общения, который представляет интерес для 1) выделения типичных диалогических моделей; 2) осмысления проблем межкультурной коммуникации; 3) изучения конфликтного речевого взаимодействия и других вопросов, актуальных для создания теории общения.

Разработка указанной проблематики имеет большое практическое значение, т.к. ее результаты могут быть использованы при обучении речевому общению в рамках судебного разбирательства с целью его эффективного осуществления. Здесь необходимо отметить, что в современных социально-политических условиях значимость судебной сферы возросла: по данным судебной статистики, количество рассматриваемых в судах дел заметно увеличилось. Исход правового спора зависит от многих факторов, в числе которых, по нашему убеждению, следует отдельно выделять фактор коммуникативной компетенции¹ участвующих в деле лиц.

В статье будет дана только общая характеристика судебного диалога – фрагмент научного проекта, направленного на комплексное, многоаспектное изучение судебной коммуникации. Материал для исследования собирался методом наблюдения (в том числе участвующего) в районных судах и суде апелляционной инстанции, и его составляют ручные и магнитофонные записи диалогов, происходивших в ходе судебного разбира-

¹ Понимается в широком смысле, см. [Белл 1980: 12–13; Штерн 1998: 185].

тельства по гражданским (преимущественно исковым²) делам. С 2003 г. по настоящее время нами записано более 50 судебных заседаний, относящихся к разным категориям гражданских дел – это правовые споры, которые связаны с трудовыми, семейными, жилищными, административно-правовыми отношениями, возмещением материального и морального вреда, защитой чести, достоинства и деловой репутации, договорами аренды и др.³ Поскольку “диалог входит в контекст жизни и не может рассматриваться вне прагматических факторов” [ЧФЯ 1992: 5], собранный нами материал анализируется в социалингвистическом и коммуникативно-прагматическом аспектах.

Каковы же факторы коммуникации, порождающие судебный диалог как особую коммуникативную форму? Мы рассматриваем диалогическое⁴ взаимодействие в рамках малой вторичной группы [Крысин 1989], членами которой являются основные участники судебного процесса: 1) с у д ь я, 2) с т о р о н ы – и с т е ц (лицо, которое обратилось в суд за защитой своих прав) и о т в е т ч и к (предположительный нарушитель прав истца).

2

Специфичность судебного диалога создается следующими характеристиками указанной социальной общности.

1) Цель создания группы. Диалог в судебном процессе – это социально ориентированная коммуникация. Коллективы “судья – другие участники процесса” формируются с целью разрешения правового конфликта. В терминах теории речевой деятельности: речь в контексте судебного разбирательства “обладает статусом действия и занимает подчиненное положение по отношению к неречевой деятельности, в структуре которой развергивается. Мотив общения лежит за пределами собственно речевого общения, т.е. коммуниканты при помощи обмена сведениями решают некоторую задачу в рамках социального взаимодействия” [Тарасов 1977: 86–87].

2) Особенности функционирования группы. Структура судебного процесса, поведение его участников (в том числе речевое) жестко регламентированы нормой закона – Гражданского процессуального кодекса. Между членами группы установлено четкое “разделение труда”, вследствие этого ожидаемые и требуемые от них вклады в судебное разбирательство следует считать “конвенциональными ролями” [Шибутани 2002: 45–46].

3) Формально-статусная характеристика группы. Участники судебного процесса обладают разным статусом. Судья – высокостатусный член группы, наделенный государственно-властными полномочиями. С остальными членами он связан отношениями субординации. Стороны в судебном процессе – процессуальные оппоненты, которые имеют противоположные интересы. Истец и ответчик, находясь на одинаковой дистанции от лидера группы (судьи) и имея равные процессуальные права, участвуют в судебном

² Существует два вида гражданского судопроизводства – и с к о в о е и о с о б о е. Для выделения особенностей судебного диалога больший интерес представляет производство и с к о в о е, так как оно связано со спором о праве и потому носит двусторонний характер. Особое же производство отличается от искового отсутствием спора о праве и, как следствие, – спорящих сторон, поскольку этот вид судопроизводства направлен на установление наличия/отсутствия конкретных юридических фактов или неоспариваемых прав.

³ Так как автор этой публикации является жителем Украины, возможен вопрос, являются ли приводимые в ней диалогические контексты “реальными примерами из судопроизводства на русском языке”. В связи с этим поясняем, что материал действительно собирался нами в судах Луганской области, которая принадлежит к русскоязычным регионам Украины. Нормой Гражданского процессуального кодекса (ГПК) Украины до сентября 2005 г. ведение судопроизводства было установлено “на государственном языке или языке большинства населения местности (выделено нами. – О.К.)”. Используемые в статье примеры записаны нами до указанного времени.

⁴ В соответствии с научно-лингвистической традицией мы используем термин *диалог* для называния любого вида немонологической речи, см. [Голанова 1996: 451; Земская 1988: 234].

разбирательстве на условиях состязательности. Разный процессуально-правовой статус участников судебного процесса обуславливает асимметрию их речевого поведения. Высказывания судьи носят направляющий (контролирующий) характер: судья задает программу речевого взаимодействия, а стороны ее осуществляют.

3

Судебное разбирательство представляет собой речевое взаимодействие, для которого мена ролей говорящий / слушающий постоянна и обязательна. Однако диалог в суде лишен некоторых признаков естественной диалогической речи и характеризуется взаимной связанностью следующих коммуникативных черт.

1) Судебный диалог – “подготовленное”⁵ речевое общение. Указанная особенность обусловлена рядом факторов. В их числе: 1) заданность темы для обсуждения в ходе судебного разбирательства, представляющей собой фактическое основание иска; 2) стандартный порядок рассмотрения дела, в рамках которого исполняются ритуальные процессуальные действия; 3) дискретность, разорванность судебного разбирательства во времени: слушание дела, как правило, происходит с перерывами (иногда достаточно длительными, так что судебный процесс может тянуться годами); 4) конвенциональный характер мены речевых субъектов в судебном диалоге (см. об этом более подробно ниже), порождающий отсроченные ответные реакции.

Эти и некоторые другие факторы создают для участвующих в деле лиц возможность взвешивать ситуацию спора, обстоятельно отстаивая занимаемую в нем позицию.

Таким образом, процессуальные участники произносят обдуманые (или даже записанные) речи, задают предварительно подготовленные вопросы. Ср. соответствующий пример (С. – судья, И. – истец, О. – ответчик):

[Из дела, направленного апелляционным судом на новое рассмотрение в суд первой инстанции]

С. Слушаем объяснения истицы.

И. Я подготовила объяснения, отталкиваясь от определения апелляционного суда. Можно?

С. Ваше право.

Недобросовестная подготовка сторон к судебному заседанию, как правило, вызывает негативную реакцию судей:

[Из дела о взыскании сумм по иску уволенного в запас; в деле участвуют два О. – горотдел УВД и УВД области]

С. (обращаясь к представителю горотдела УВД) Чем предусмотрена компенсация за продаек?

О. Я не готова ответить. Я не юрист, а всего лишь бухгалтер.

С. Это же проблема не суда. Вы идете в суд и не готовитесь. А потом Вы пишете жалобы. (обращаясь ко второму О.) Представитель УВД области, чем предусмотрена компенсация за продаек?

О. Указом Президента.

С. Указ Президента. Какой?

О. Я не могу сказать.

С. А что Вы можете сказать? Вы пишете жалобы, а приходите в суд совершенно не готовы.

Заметим, что участники процесса обычно сами заинтересованы в тщательной подготовке к судебным заседаниям, так как от этого зависит исход спора⁶. Ср.:

⁵ Ср. определение диалога, данное Л.П. Якубинским [Якубинский 1986].

⁶ Мы неоднократно наблюдали, как при участии в деле нескольких представителей одной и той же стороны между ними буквально расписывались процессуальные роли. Например, в деле о защите чести, достоинства и деловой репутации разные представители истца отвечали за: а) создание у него в суде положительного имиджа, б) проведение психологической экспертизы, в) допрос свидетелей. Этому учат в специальной литературе, описывающей стратегии и тактики судебного процесса.

[Юрист, допущенный в качестве представителя *О.* к участию в трудовом споре, сразу заявляет ходатайство]

О. Я прошу отложить слушание дела.

С. Почему?

О. Я не успел ознакомиться со всеми материалами.

С. Сколько Вам нужно времени?

О. Хотя бы до завтра.

В судебской речи признак ее подготовленности проявляется в употреблении стереотипных реплик⁷. Например, такие речевые клише, как *Доклаживаются материалы дела, Разъясняются процессуальные права, Суд переходит к судебным прениям* и под., обнажая структуру судебного диалога, делают его более четким и понятным для непрофессиональных участников.

Приведем пример микродиалога, состоящего из готовых речевых формул. Он соответствует той стадии судебного процесса, которая имеет название “начало рассмотрения дела по существу”:

С. (закончив доклад, обращается к *И.*) Поддерживаете Вы свои исковые требования?

И. Да.

С. В полном объеме?

И. Да.

С. (обращаясь к *О.*) Признаете Вы требования истца?

О. Нет.

Принято в судебно-речевой практике и чтение заранее подготовленного текста. В частности, для постановления определений по сложным процессуальным вопросам, для составления решений судьи удаляются в совещательную комнату, где оформляют свои выводы в виде процессуальных документов, которые воспроизводят после выхода из нее.

Итак, судебный диалог в целом осуществляется как речь подготовленная – запланированная, обдуманная или даже читаемая. Значительную часть произносимых в суде речей составляют клише.

Справедливости ради следует отметить, что не все звенья судебного диалога в одинаковой степени обладают рассматриваемой особенностью. Мера его подготовленности снижается в неотсроченных ответных репликах процессуальных участников: например, обязательного неотложного реагирования требуют предусмотренные процессуальным регламентом вопросы сторон; заявленное одной стороной ходатайство предполагает срочную ответную реакцию другой стороны; преимущественно импровизационный характер носят – разрешенные законом – возражения сторон против действий судей и др.

2) Судебный диалог – это коммуникативная форма, в структуре которой значительное место занимает монолог (так называемые “монологические реплики”). Доклад судьи, объяснения сторон, их выступления в прениях, рассказ свидетеля и некоторые другие судебно-процессуальные жанры представляют собой развернутые высказыва-

⁷ Степень ритуализации судебного процесса настолько велика, что некоторые судьи стремятся стереотипизировать такие процессуальные жанры, которые представляют собой произвольно построенные монологические высказывания. Например, судебные прения – в соответствии с нормой закона – состоят из заключительных речей, содержание которых не подлежит строгой заданности. Ср.:

С. Слушаем Вас в прениях.

И. Я хочу сказать...

С. (обрывая) В прениях просят...

С. Пожалуйста, Л., в прениях слушаем Вас. Что Вы просите?

ния, которым присуща определенная процессуальная регламентированность. Ср., например, замечание судьи, задающее объем и содержание объяснений истицы:

[Из дела о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка-инвалида]

С. Пожалуйста, истица, поднимайтесь. Слушаем Вас.

И. Я прошу взыскать...

С. *(перебивая)* Нет, все рассказывайте. Какой у Вас ребенок, сколько лет были в браке.

Еще большей заданностью обладает судейский доклад, цель которого – осветить “историю” правового конфликта, указать нужное направление в исследовании фактических обстоятельств дела, помочь присутствующим на судебном заседании понять происходящее [ГП 1999: 22]. Приведем пример доклада, записанного в апелляционном суде:

27 апреля 2003 года В. обратился в суд с иском о возмещении материального и морального ущерба к ООО “Сапфир” и Стахановскому Теплокомунэнерго. В иске указал, что в его доме двадцать три года не ремонтировалась крыша, вследствие чего полностью пришла в негодность. В квартире протекают потолки, постоянно мокро. Истец также указал на ненадлежащее тепло-снабжение в его квартире, нарушение теплового режима. На основании этого просил взыскать материальный и моральный ущерб с ООО “Сапфир” и Теплокомунэнерго в размере 5000 гривен. 13 августа 2003 года исковые требования истца удовлетворены частично. Стахановский суд принял решение взыскать с ООО “Сапфир” 2333 гривен материального вреда и 2000 морального вреда. В удовлетворении требований к Теплокомунэнерго отказал. “Сапфир” не согласился с таким решением и обратился в суд с апелляционной жалобой. В ней отметил, что не является собственником жилья. Дом, в котором проживает В., находится на балансе у горисполкома, а квартира является собственностью истца. Также в ней указал, что обслуживает дом непродолжительный промежуток времени, а протекание крыши имеет незначительный характер по отношению к другим воздействиям на эту квартиру.

Следует отметить, что монологические высказывания включаются в судебный диалог и на его вопросо-ответных отрезках. Продолжительность ответных реплик связана прежде всего с характером вопросов. Развернутых сообщений требуют, как правило, вопросы, именуемые в теории аргументации восполняющими: они направлены не на выяснение истинности или ложности выраженных в них суждений, а на получение недостающей информации, сбор фактов. Пространность судебных речей также обусловлена состязательным началом судопроизводства – спор, как известно, предполагает обмен полными, аргументированными выступлениями, с помощью которых оппоненты отстаивают свои позиции, см. [Соловьева 1965: 105]. Ср.:

[Из трудового спора о восстановлении на работе]

И. *(обращаясь к О.)* Если я была уволена 25 июня, почему тогда С. *(инспектор отдела кадров)* в докладной записке пишет, что я 26 июня не вышла на работу?

О. По данному вопросу мне как представителю известно, что поскольку все документы находятся в ведении отдела кадров, то, когда Вы не забрали трудовую книжку, ее передали в отдел кадров. Инспектор, заблуждаясь, исходит из законодательства, что если трудовая книжка находится у него, то работник считается неуволенным. На основании таких суждений была составлена докладная записка. Но заблуждение не является основанием для продления срока исковой давности и не отменяет порядок рассмотрения трудового спора.

В коммуникативном пространстве судебного разбирательства монолог часто является основой следующего за ним микродиалога. Так, объявление состава суда и разъяснение участникам процесса права его отвода обычно переходит в стереотипный диалог такого содержания:

С. *(обращаясь к И.)* Со стороны истицы и ее представителей будут отводы? Доверяете данному составу суда?

И. Доверяю.

С. *(обращаясь к О.)* Со стороны ответчика?

О. Доверяю.

Подчеркнем, что монологические выступления в суде в той или иной степени диалогизированы. Они включают в себя контактно-фатические (термин Т.Г. Винокур [Винокур 1993]) элементы. Например, разъяснение прав участникам процесса судьи почти всегда завершают вопросом, контролирующим понимание произнесенного ими текста: *Права понятны участникам процесса, да?; Понятно, да?* и под. А в монологических выступлениях сторон представлены такие актуализаторы внимания отправителей правосудия, как *Прошу суд особо обратить внимание на...; Прошу суд тщательно исследовать доводы истца (ответчика) о...*

Диалогические условия разрешения правового спора обнаруживают себя в перебивах монологических высказываний, произносимых процессуальными оппонентами. Судейские перебивы – это реплики-выяснения обстоятельств дела и директивы. Например:

[Из дела по иску об устранении препятствий в пользовании арендованным автомобилем: О., считая, что состояние его автомобиля, находящегося в аренде у И., ухудшилось, разорвал договор аренды вопреки желанию И.; рассмотрение дела происходит в суде апелляционной инстанции; суд заслушивает объяснения И.]

И. Существует протокол ГАИ №769 от 24.02.01, составленный следователем ГАИ К., где указано, что автомобиль не поврежден...

С. (перебивая) В деле есть? Или у Вас есть?

И. Значит, рассказываю. Поступил протокол, его зачитали. И он исчез, когда дело стала вести **О.** В деле такого протокола нет...

С. (перебивая) В деле был? Вы считаете, что был, но его нет?

И. Я поднял скандал. Меня направили в кабинет, где его достают из мусорного ведра и кладут на подоконник. Я делаю из него выписки и говорю, чтобы он был. В нем указано, что повреждений нет. Есть только грязевые наслоения. Все. Больше ничего нет. Именно поэтому протокол исчез. Им все некогда, некогда. Я взял дело – протокола нет...

С. (перебивая) Повторяться не надо.

Перебивы сторон друг друга всегда представляют собой полемические реакции. Приведем в подтверждение фрагмент диалога из земельного спора, разрешение которого происходит в апелляционном суде:

О. (дает объяснения, анализируя решение районного суда) Суд принял решение правильно...

И. (перебивая) Как же правильно! Вы видели у меня в плане (земельного участка)...

(С. делает замечание И. и передает слово О. для завершения пояснений.)

Итак, неотъемлемым компонентом судебного диалога являются монологические реплики, которые выполняют в нем различные процессуальные функции. Степень проявления характерных черт монолога (см. [Винокур 1990: 310]) в пространственных репликах участников процесса различна и зависит от многих факторов.

3) Судебный диалог – форма речевой деятельности, для которой характерно постоянное взаимодействие с письменной речью. Эта особенность общения в суде также задана гражданско-процессуальным регламентом и судебной традицией.

Во-первых, закон требует письменной фиксации судебного процесса. Обязательность протоколирования является гарантией реализации права человека на судебную защиту, так как обеспечивает возможность пересмотра дела. Вывод о правильности судебного решения вышестоящие суды делают прежде всего путем ознакомления с материалами дела.

Составление протокола предполагает “перевод” устной речи в письменно-протокольную форму, который иногда осуществляется прямо в ходе судебного заседания, в структуре судебного диалога. “Перевод” существенных для дела высказываний, которые не пригодны к записи в протокол ввиду неполноты, нечеткости содержания и/или формы, может включать в себя как переконструирование, так и перекодирование. Характерный пример:

[В апелляционном суде принято коллегиальное рассмотрение дел; в приводимом ниже диалоге, кроме судьи-докладчика, председательствующего в судебном заседании (**П.**), также участвует еще один судья – член судебной коллегии (**С.**)]

И. Я не согласен с решением суда.

С. Почему Вы с ним не согласны?

И. Краснолучский суд не выяснил следующее. Я издал приказ. Прокурор подал на него протест, но протест был отклонен...

П. Если Вы хотите это изложить для суда, то это должно звучать так. Факт издания мною незаконных решений не доказан. А суд этому не дал оценки. Вот это Вы должны рассказывать, а не то, как руководили страной. Вот как я прошу Вас говорить.

И. Суд также не в полной мере рассмотрел мое отсутствие на работе...

С. (обрывая) Извините, что значит “не в полной мере”? Вы по уважительной причине отсутствовали? По болезни?

П. Сергей Васильевич, опять-таки русским языком. Суд не учел...

И. Суд не учел мое отсутствие на работе по уважительной причине. Прокурор принял решение о моем аресте. Я был не согласен. Я обратился в Верховный Совет с жалобой на незаконное постановление о возбуждении уголовного дела, в Администрацию Президента, к премьер-министру. Был на приеме у заместителя Администрации Президента, встречался с депутатами.

П. (раздраженно) Я отсутствовал, потому что было принято постановление о моем аресте и поехал отстаивать свои права. Трудно записывать в протокол.

Типичный переводной прием в судейской речи – уточняющий вопрос, в котором содержится переформулированное высказывание процессуального участника. Такие вопросы одновременно направлены на проверку точности услышанного и его “приспособление” для записи в протокол:

С. (обращаясь к **О.**) Зачем Вы проводили диагностику автомобиля?

О. Состояние моего автомобиля ухудшилось, а Дураков, ни один, ни другой (**И.** и его сын, арендующие у **О.** автомобиль), ничего не делали.

С. Чтобы подтвердить ухудшение состояния автомобиля, находящегося в аренде?

О. (кивает)

Во-вторых, судебное дело состоит из множества документов (исковое заявление или жалоба, на основании которых заводится дело; объяснения, возражения сторон; протоколы допросов, осмотров; заключения экспертов; определения, решения суда и др.), которые полностью или частично оглашаются в судебных заседаниях. Ввиду этого целые отрезки судебного диалога представляют собой устное воспроизведение письменного текста, что мы уже отмечали выше.

Более интересны другие ситуации взаимодействия устной и письменной форм речи в судебном процессе. Это ситуации, в которых процессуальный документ выполняет роль диалогической реплики. Нам неоднократно приходилось наблюдать, как ходатайство, поданное суду в письменной форме, не произносилось. При этом диалог прерывался невольным молчанием, равным речевому действию официальной просьбы, а длина диалогической паузы равнялась времени, необходимому участвующим в деле лицам для ознакомительного чтения документа:

С. Ходатайства, заявления будут?

О. (кивает и передает **С.** письменно оформленное ходатайство)

С. (читает заголовок) О вызове свидетелей... (дочитав до конца, передает **И.** для ознакомления) Ваше мнение о возможности удовлетворить это ходатайство.

И. (дочитав до конца) Я не возражаю.

С. Суд, посоветовавшись, определил: удовлетворить ходатайство. (обращаясь к секретарю) Подготовишь повестки.

Следует обратить внимание на то, что письменная основа судопроизводства ощущается в суде апелляционной инстанции. Например, стадия исследования письменных доказательств в нем может быть свернута до стереотипной реплики судьи: *Есть необходимость для оглашения каких-либо документов или все изучено?; Оглашать документы никакие не надо? Все ознакомлены?* и под.

Ср. также возможные в апелляционном разбирательстве ответы сторон, содержащие отсылки к материалам дела:

[Из дела о возмещении материального и морального вреда за нанесенные **И.** повреждения коровой **О.**]

С. (обращаясь к **О.**) Она (корова) у Вас агрессивная была?

О. Справка в деле была.

С. А Вы сами как считаете?

О. Опирайтесь на показания свидетеля. В деле есть показания, в которых говорится, что моя корова всегда последней в стаде шла.

Итак, первичной формой существования судебного разбирательства является устная форма. Однако необходимой для него формой реализации является и письменная речь. Элементы письменного судопроизводства по-разному обнаруживают себя в структуре судебного диалога, затягивая или сокращая его течение.

4) Судебный диалог – коммуникативная форма, в которой может нарушаться линейно-прогрессивный характер развертывания устной речи, см. [Лаптева 1976: 53].

Указанное нарушение основано на зафиксированных в законе принципах относимости и допустимости доказательств. В соответствии с ними судья принимает от участников процесса не все предъявляемые ему факты, зачеркивая, аннулируя тот или иной фрагмент судебного диалога. Так, например, для судебного разбирательства типично “снятие” вопросов, вследствие чего остаются нереализованными процессуально-коммуникативные потребности сторон:

[Из дела по жалобе на неправомерные действия Госинспекции учебных заведений; **С.** предложил заявительнице (**З.**)⁸ задать вопросы представителям Госинспекции после данных ими объяснений по жалобе]

З. Сколько раз студентка **П.** сдавала экзамен по литературному редактированию?

С. Вопрос снимается.

З. (вопросительно смотрит на **С.**)

С. Он не относится к предмету обжалования.

З. Прошу занести мои возражения против действий председательствующего в протокол.

В приводимом ниже диалоге судья пресекает объяснения заявительницы:

[Из дела по жалобе на неправомерные действия должностного лица, не предоставившего **З.** по ее информационному запросу документы, в которых содержатся сведения о ее профессиональной деятельности; главным защитным аргументом **О.** является то, что **З.** попросила документы, а не их ксерокопии; **С.** предоставляет слово **З.** по ее просьбе для дачи дополнительных объяснений]

З. Я хочу дать разъяснение терминам “документ” и “копия”. В учебниках по документоведению есть классификации документов. (показывает схему, отражающую классификацию документов) Так вот копия – это тоже документ...

С. (перебивая) Это не надо.

Отвод судьей терминологических объяснений имеет явно элиминирующий характер. Наглядное подтверждение этому – отсутствие в протоколе соответствующего судебного

⁸ В отличие от истца, заявитель подает в суд первой инстанции неискковое заявление или жалобу, которые рассматриваются в порядке особого производства (см. примечание 2).

го заседания каких бы то ни было сведений о стадии дополнительных объяснений. Подчеркнем, что судья может руководить осуществляемой секретарем записью процесса непосредственно в его ходе. Ср., например, в следующем диалоге реплику судьи, которая, отмечая то, что подлежит протоколированию в семейном споре, одновременно как бы “стирает” несущественные для него рассуждения ответчика:

[Из дела о взыскании алиментов]

- О.** Бракоразводный процесс и алименты – дело не очень приятное, Ваша честь. В свое время истица сделала все, чтобы я ушел. Она сегодня говорит, что мы вели общее хозяйство. Давайте посмотрим на общее хозяйство. Я не хочу этого рассказывать, потому что сплетня и есть сплетня.
- С.** Все понятно. Что скажете по исковым требованиям? Истица просит одну вторую. *Что в протокол писать?*

В протоколе этого судебного заседания приведенная реплика ответчика отсутствует.

Правка-сокращение судебного диалога при оформлении протоколов настолько распространена в судах, что способ его “защиты” от судейских купюр закреплен законодательно – в виде возможности подать возражения на протокол. Восстановление изъятых диалогических фрагментов возможно только в случае своевременной подачи замечаний. Приведем пример микродиалога, в ходе которого истец, плохо знающий процессуальный закон, безрезультатно пытается при апелляционном рассмотрении дела “реставрировать” ход судебного разбирательства, состоявшегося в районном суде:

С. *(предоставляет слово И. для объяснений)* Пожалуйста, слушаем Вас.

И. В апелляционной жалобе все указано.

С. Вы ее поддерживаете?

И. Да. Но я хочу ее дополнить. В протоколе отсутствует запись...

С. *(перебивая)* Вы приносили замечания на протокол в суд первой инстанции?

И. Нет.

С. *Сейчас мы не можем рассматривать замечания.*

Регрессивный характер судебного диалога также наглядно проявляется в повторном заявлении участниками процесса ходатайств. Из наших материалов следует, что в судебной практике закреплена квалификация ходатайств, в удовлетворении которых судья не заинтересован по какой-либо причине, как преждевременных. Однако юристы-практики, досконально знающие судебный процесс, советуют значимые для участников правового конфликта ходатайства заявлять повторно. Ср.:

С. *(реакция С. на вторичное ходатайство И. о допросе в качестве свидетелей высокопоставленных должностных лиц)* Что Вы по сто раз заявляете одно и то же! *(берет в руки ходатайство)* В нем не указан адрес.

И. А если я укажу адрес, Вы их вызовете?

С. Когда укажете, тогда и решать будем.

В отличие от рассматриваемой выше процедуры, повторный допрос свидетелей регламентирован законодательной нормой:

И. *Я прошу повторно допросить О. и К.*

С. Чем это вызвано?

И. Противоречиями в их показаниях.

С. Возьмете после заседания им повестки.

Наконец, обратимость судебного диалога может создаваться реализацией такой процессуальной возможности, как “возобновление рассмотрения дела по существу”. Это факультативная стадия судебного разбирательства, возникающая в нем в ходе или по-

сле подведения итогов, в частности, в связи с необходимостью повторной проверки предъявленных суду фактов. Ср.:

[Из дела о признании права собственности на сарай; в споре, кроме сторон, участвует третье лицо (ТЛ.) – представитель отдела архитектуры горисполкома; суд возвращается из совещательной комнаты, куда удалялся для постановления решения, во время чего была выявлена необходимость дополнительного исследования имеющихся в деле доказательств]

С. Судебной коллегией возобновляется судебное разбирательство для окончательного выяснения некоторых обстоятельств. Представитель горисполкома, скажите, Вы сказали, что отменено два решения исполкома о выделении земельного участка истцу и ответчику?

ТЛ. Да.

С. Почему?

ТЛ. Нет владельца сарая. Кто владелец сарая, неясно.

С. Как Вы видите перспективу разрешения спора? Приняли одно решение – отменили, второе – отменили.

ТЛ. Мы ж не суд.

С. А без разрешения спора в суде Вы не можете оформить право собственности на сарай?

ТЛ. Нет.

С. Почему?

ТЛ. Мы не оформляем прав собственности, мы оформляем земельные участки.

С. Вы нам можете предоставить свои решения?

ТЛ. Так в деле есть.

С. Они незавершенные.

ТЛ. Незавершенные? Ну хорошо.

С. До 14 июля коллегия откладывает дело для изучения полученных документов.

В приведенном материале наблюдается возврат судебного разбирательства к пояснениям третьего лица и “исправление” их неполноты.

Таким образом, нарушение линейно-прогрессивного протекания устной речи в судебном дискурсе представлено случаями “исключения” из него диалогических фрагментов и возврата к актуальным диалогическим ситуациям.

5) Судебный диалог – вид речевого взаимодействия с запрограммированной реактивностью.

Во-первых, для судебного разбирательства предусмотрены правила мены ролей говорящий/слушающий. Вот как они сформулированы в законе (все выдержки – из действующего Гражданского процессуального кодекса Украины [ГПК 2005]).

Из статьи 176:

1. После доклада по делу суд заслушивает объяснения истца и третьего лица, участвующего на его стороне, ответчика и третьего лица, участвующего на его стороне, а также других лиц, участвующих в деле. <...>

5. Стороны и другие лица, участвующие в деле, могут задавать друг другу вопросы.

Из статьи 180:

7. Допрос свидетеля начинается с предложения суда рассказать все, что ему лично известно по делу, после чего первым задает вопросы лицо, по заявлению которого вызван свидетель, а затем другие лица, участвующие в деле.

Из статьи 193:

2. В судебных прениях первому предоставляется слово истцу и его представителю.

3. Третьи лица без самостоятельных требований выступают в судебных прениях после лица, на стороне которого они участвуют.

4. Третье лицо, заявившее самостоятельные иски относительно предмета спора, и его представитель в судебных прениях выступают после сторон. <...>

7. ...С разрешения суда выступающие могут обмениваться репликами. Право последней реплики всегда принадлежит ответчику и его представителю.

Поскольку мена коммуникативных ролей осуществляется под контролем судьи, для судейской речи типичны метатекстовые реплики-показатели мены: *Истица, пожалуй-*

ста, дайте пояснения по Вашей жалобе; Пожалуйста, представитель, Вам слово; Сергей Васильевич, что желаете дополнить или сказать?; Реструктуризацию (т.е. представителя компании “Укруглеструктуризация”) слушаем; Суд переходит к судебным прениям. Слово в прениях предоставляется М.

Процессуальный кодекс не допускает сиюминутных реплик-реакций на высказывания противоположной стороны. Они должны принимать на себя функцию говорящего только по разрешению суда. Однако правило мены ролей часто нарушается непрофессиональными участниками процесса, так как оно не закреплено в их речевом поведении в виде навыков. Соблюдение этой нормы достигается путем принуждения со стороны отправителей правосудия. Ср.:

И. (после ответов своего оппонента – представителя горсовета – на вопросы **С.** о том, как проходила внеочередная сессия горсовета, решением которой были досрочно прекращены полномочия **И.** как городского головы) Уважаемые судьи, он полностью отклонился от вопроса, как проходила сама сессия.

С. (перебивая) Если Вы хотите дать пояснения, мы дадим Вам возможность. Представитель совета, что еще можете сказать?

О. Я членом комиссии не являлся.

С. (обращаясь к **И.**) Какие Вы хотите дать пояснения? Как проходила сама сессия? Вы ж на ней не были.

И. У меня есть видеозапись.

С. У Вас есть видеозапись?

И. Да.

С. Хорошо. Выводами давайте.

С. Ходатайства будут?

И. У меня ходатайство.

С. Какое?

И. Я прошу допустить в дело в качестве моего представителя К.

О. Ваша честь, я против.

С. Подождите. Вас потом спросят.

(Мнение **О.** о заявленном ходатайстве было выслушано только после того, как **С.** выяснил у **И.**, чем вызвана необходимость участия в деле К.)

Судебный способ разрешения конфликта люди обычно выбирают в тех случаях, когда в зоне разногласий между ними оказываются жизненно важные ценности. Перенесенный в суд конфликт исследователи определяют как наивысшую точку противоречий, как коллизию с наиболее острым противоборством сторон. Конфликтному диалогу присущи прерывания и подхватывания реплик собеседника (см. [Соловьева 1965]). Для речевого взаимодействия в суде нормой является “запрет на реакцию слушателя”, который Е.В. Красильникова – вслед за Л.П. Якубинским – называет “основным принципом монолога” [Красильникова 1996: 170]. Еще несколько примеров:

С. (обращаясь к **О.**) Вы поддерживаете свою жалобу?

О. Поддерживаю и прошу отменить решение по следующим основаниям. Во-первых, Т. пропустил срок для обращения...

И. (перебивая) А выходные были...

С. (обрывая) Не поясняйте друг другу!

О. О внеочередной сессии (горсовета) в СМИ не сообщается. Сессия может быть и закрытой.

И. Я могу добавить?

С. Сейчас начнется перебранка. Она нам не нужна.

Во-вторых, в судебном диалоге действуют предусмотренные законом ограничения на согласование реплик по иллюкутивной силе [Падучева 1982: 306–309]. Так, уместной речевой реакцией, с точки зрения Гражданского процессуального кодекса, на объяснение процессуального оппонента, заключение эксперта, показания свидетеля является только вопрос. Ср. соответствующие примеры:

С. (заслушав объяснения О., обращается к И.) Вопросы к ответчику.

И. В рассказе ответчика нет ни слова правды. Из его слов получается, что меня уволили за систематическое неудовлетворительное выполнение трудовых обязанностей во время испытательного срока. Но не за однократное грубое нарушение.

С. (обрывая) Это не вопрос. Сформулируйте вопрос правильно.

И. (недоуменно) У меня нет вопросов.

О. К. не понимает, что работала в национальном вузе IV уровня аккредитации. У нас все работают на условиях срочного трудового договора.

С. (обрывая) Это у Вас вопрос?

О. (молчит)

С. Вопросы будут?

О. (качает головой)

Закон, подчеркнем, исключает такую реакцию сторон на утверждения друг друга, как возражение, естественное для конфликтного типа речевого взаимодействия.

Итак, правила оформления речевой реакции в судебном диалоге устанавливают фиксированную мену коммуникативных ролей и характер целесообразной прагматической связи между репликами процессуальных участников.

4

Как отражаются перечисленные особенности судебного диалога, отличающие его от диалога естественного, на речевом поведении непрофессиональных участников судебного процесса? В виде коммуникативных неудач.

С конвенциональным характером судебного диалога связаны следующие типы коммуникативных неудач.

1) Коммуникативные неудачи, порождаемые социальной некомпетентностью⁹ сторон – в частности, незнанием ритуальных особенностей судебного диалога. Пример:

[И. заявил ходатайство о записи судебного процесса техническими средствами]

С. (обращаясь к О.) Ваше мнение.

О. Считаю нецелесообразным.

С. Суд, посоветовавшись на месте, определил: удовлетворить ходатайство истца.

В приведенном диалоге ответчик терпит коммуникативную неудачу вследствие незнания того, что а) гласность судебного процесса и его полная фиксация техническими средствами – конституционный принцип судопроизводства (который обсуждению не подлежит); б) обращение судьи к нему носит ритуальный характер.

2) Коммуникативные неудачи, порождаемые перенесением навыков естественного диалогического общения на коммуникацию в суде. Важно подчеркнуть, что хорошее знание процессуального ритуала не гарантирует отсутствие коммуникативных неудач подобного рода: специалисты по изучению межкультурных и межъязыковых контактов давно заметили, что представители одной лингвокультурной общности, входя в контакт с членами другой лингвокультурной общности, действуют по “своим” моделям поведения.

Напомним, что соблюдение в суде конвенциональных правил общения требует подавления естественной мгновенной реакции на реплику-стимул. Она же в конфликтной среде нередко является обидной, “задевающей” оппонента.

Вот пример коммуникативной неудачи этого типа:

⁹ О структуре социальной компетентности см. [Куницына и др. 2002: 480–481]. Отметим, что одной из ее составляющих является коммуникативная компетентность. В качестве основных функций социальной компетентности в работе выделяются: социальная ориентация, адаптация и интеграция общесоциального и личного опыта.

[Суд заслушивает объяснения **И.** в деле о взыскании морального вреда с ее бывшего супруга]
И. Ваша честь, ответчик в течение двух лет создавал мне невыносимые условия для моей жизни. Он оскорблял меня. Я должна была прятаться, ночевать у соседей...
О. (перебивая) Она врет все!
И. (реагируя на замечание **О.**) В деле есть показания соседей, но суд не сделал...
О. (перебивая) И соседи врут!
С. Прекратите перебранку! Ответчик, будете рассказывать, когда Вам суд предоставит слово.

Приведем еще один пример, содержащий коммуникативные неудачи обоих типов: в первом случае ответная реакция истицы на выступление своего оппонента оказывается неуместной по форме, во втором – по содержанию. Судья отводит неуместные реплики истицы, которая реагирует на отвод молчанием:

[Диалог, происходящий в апелляционном суде, находится в стадии объяснений сторон; после объяснений **О.** истица получает разрешение задать ему вопросы]
О. Решение районного суда прошу оставить в силе. Оно принято правильно.
С. (обращаясь к **И.**) Задайте вопрос.
И. Как же правильно! Вы видите у меня в плане...
С. (обрывая) Вопрос задайте.
И. (молчит)
С. У Вас вопрос есть к представителю? Вопрос.
И. (после паузы) Почему в Земельном кодексе записано...
С. (обрывая) Задайте вопрос по решению, а не по кодексу. Мы решение рассматриваем.
И. (молчит)
С. Сформулируйте вопрос правильно. Не волнуйтесь.
(И. так и не смогла задать "правильный" вопрос – суд перешел к следующей стадии судебного процесса.)

Пропущенные речевые реакции истицы свидетельствуют о ее неготовности к адекватному для судебного разбирательства общению и, следовательно, полноценной защите своих прав. По нашим наблюдениям, непрофессиональные участники судебного процесса, даже адаптировавшись в суде, продолжают действовать по моделям бытового диалога.

5

Кратко подведем итоги.

1) Для судебного разбирательства характерна внешняя диалогическая форма – чередование реплик его участников. Вместе с тем судебному диалогу противопоказаны многие признаки естественной диалогической речи. Его специальными взаимно связанными характеристиками являются: подготовленность, обязательное включение монологических выступлений, взаимодействие с письменной речью, нарушение линейно-прогрессивного течения устной речи, максимум речевых ограничений.

2) Процессуальные оппоненты не являются полноправными участниками судебного диалога: судебное разбирательство не предполагает свободной мены коммуникативных ролей и непринужденного ответного реагирования. Социально приемлемым для судебного разбирательства является ритуальное поведение.

3) Судебно-процессуальную деятельность организуют исторически сложившиеся социокультурные (в том числе речеповеденческие) нормы, многие из которых закреплены в законе. Функционирование любого социального института опирается на конвенции (см. [Колтунова 2004]), однако суд – сфера, требующая максимального исполнения конвенциональных норм. За их несоблюдение предусмотрены санкции (в виде предупреждения, удаления из зала судебного заседания и наложения штрафа).

4) Основным условием успешного общения и эффективной защиты прав в ходе судебного процесса является знание закрепленных за ним социокультурных норм и умение им следовать, так как исполнению конвенциональных ролей учатся путем участия в организованных группах [Шибутани 2002: 50].

Выявление механизмов ориентации в ритуально-ролевой обстановке общения, а также того, как формируются навыки порождения адекватной “ролевой” речи, – задача последующих работ по изучению судебной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова 1970 – *Н.Д. Арутюнова*. Некоторые типы диалогических реакций и “почему”-реплики в русском языке // ФН. 1970. № 3.
- Белл 1980 – *Р.Т. Белл*. Социоллингвистика: Цели, методы, проблемы. М., 1980.
- Валюсинская 1979 – *З.В. Валюсинская*. Вопросы изучения диалога в работах советских лингвистов // Синтаксис текста / Отв. ред. Г.А. Золотова. М., 1979.
- Винокур 1990 – *Т.Г. Винокур*. Монологическая речь // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
- Винокур 1993 – *Т.Г. Винокур*. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / Отв. ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелев. М., 1993.
- Голанова 1996 – *Е.И. Голанова*. Устный публичный диалог: жанр интервью // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. М., 1996.
- ГП 1999 – Гражданский процесс / Под ред. М.К. Треушникова. М., 1999.
- ГПК 2005 – Гражданский процессуальный кодекс Украины. Харьков, 2005.
- Земская 1988 – *Е.А. Земская*. Политематичность как характерное свойство непринужденного диалога // Разновидности городской устной речи / Отв. ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелев. М., 1988.
- Колтунова 2004 – *М.В. Колтунова*. Конвенции как прагматический фактор диалогического общения // ВЯ. 2004. № 6.
- Красильникова 1996 – *Е.В. Красильникова*. О соотношении монолога и диалога // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур / Отв. ред. Н.Н. Розанова. М., 1996.
- Крысин 1989 – *Л.П. Крысин*. О речевом поведении человека в малых социальных общностях // Язык и личность / Отв. ред. Д.Н. Шмелев. М., 1989.
- Куницына и др. 2002 – *В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погольша*. Межличностное общение. СПб., 2002.
- Лаптева 1976 – *О.А. Лаптева*. Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
- Падучева 1982 – *Е.В. Падучева*. Прагматические аспекты связности диалога // ИАН. СЛЯ. Т. 41. 1982. № 4.
- Соловьева 1965 – *А.К. Соловьева*. О некоторых общих вопросах диалога // ВЯ. 1965. № 6.
- Тарасов 1977 – *Е.Ф. Тарасов*. Место речевого общения в коммуникативном акте // Национально-культурная специфика речевого поведения / Ред. колл. А.А. Леонтьев, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М., 1977.
- ЧФЯ 1992 – Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис / Отв. ред. Т.В. Булыгина. М., 1992.
- Шибутани 2002 – *Т. Шибутани*. Социальная психология. Ростов-на-Дону, 2002.
- Штерн 1998 – *І.Б. Штерн*. Вибрані топіки та лексикон сучасної лінгвістики. Київ, 1998.
- Якубинский 1986 – *Л.П. Якубинский*. О диалогической речи // Избранные работы. Язык и его функционирование. М., 1986.